

Оказывается, дети в богатых семьях далеко не всегда растут в холе и неге.

Гуань Цзинъяо хорошо помнил это чувство беспомощности: когда его родители погибли и ему пришлось жить в доме двоюродного брата, он ощущал то же самое. Трудно было сказать, что именно разыграло в нем сейчас — голос крови или привязанность, возникшая за дни, проведенные бок о бок с этим «маленьким человеком-инструментом», но он не выдержал.

Подхватив Цинь Чжэня на руки, Гуань Цзинъяо произнес тихим, но твердым голосом:

— Я — твой законный опекун, и так будет всегда. С какими бы трудностями ты ни столкнулся, ты всегда можешь прийти ко мне, понимаешь? Раз уж ты зовешь меня папой, я буду защищать тебя до тех пор, пока ты не научишься крепко стоять на ногах в этом мире. Поэтому не взваливай всё на свои плечи. Если станет тяжело — первым делом ищи отца.

Цинь Чжэнь шмыгнул носом и, не до конца осознавая смысл услышанного, серьезно кивнул. Кажется, сорванец всё же усвоил урок. Он звонко чмокнул Гуань Цзинъяо в щеку и прошептал:

— Папа, я понял.

В этот миг будущая гроза школ выглядел на удивление кротким и послушным, как самый обычный очаровательный ребенок. Гуань Цзинъяо, впрочем, не обольщался: он знал, что внутри этого малыша сидит свирепый тигренок. Однако он был искренне убежден, что мировоззрение ребенка можно скорректировать. Если направлять его энергию в нужное русло, мальчик станет достойным человеком.

К тому же намерения у Цинь Чжэня изначально были добрыми. Гуань Цзинъяо решил закрепить успех похвалой:

— Но я всё равно должен сказать: наш Чжэньчжэнь — самый добрый ребенок на свете.

Пусть он еще мал и действует опрометчиво, но если мальчик видит драку баранов и посылает Цинь И разнять их, если он замечает неустроенность в доме престарелых и хочет помочь — значит, сердце у него на месте. Главное — не дать этому ростку искривиться.

Разобравшись с воспитанием, Гуань Цзинъяо велел эконому накормить ребенка, а няне — проследить, чтобы тот умылся и лег спать. Но не успела стрелка часов перевалить за девять, как на пороге снова появился Цинь Хэн.

Гуань Цзинъяо невольно поморщился.

«Цинь Вэнь, сколько же я тебе задолжал? Твои сыновья изводят меня день и ночь. Быть отчимом — задача не из легких»

Цинь Хэн вошел в комнату и со странным выражением лица уставился на стол, где стояли четыре блюда и чаша.

— И что здесь происходит? — спросил он.

Гуань Цзинъяо было лень пускаться в объяснения, поэтому он предоставил слово эконому. Старина Ван подробно изложил суть педагогического метода.

Парень замолчал. Приемчик был довольно коварным, но, надо признать, действенным — особенно против такого сорванца, как Цинь Чжэнь, чей буйный нрав проявился еще в годовалом возрасте.

Сам не зная почему, он слегка улыбнулся.

— Вижу, ты действительно заботишься о нем.

— Еще бы, — отозвался Гуань Цзинъяо. — Было бы странно, если бы отец не заботился о собственном сыне.

В оригинале у владельца тела сердца не было — лишь «любовный мозг». Юноша знал, что для нормального родителя такое поведение естественно, но в исполнении этого человека оно выглядело дико. Он слишком хорошо помнил, как Гуань Цзинъяо с раздражением отпихивал плачущего Цинь Чжэня, чтобы поскорее уйти на очередную вечеринку. Помнил, как ребенок три дня горел в лихорадке, а отец даже не заглянул в детскую. Разительный контраст между прошлым и настоящим мешал ему понять, что же на самом деле творится в голове у этого человека.

— Ты пришел по делу? — прервал его размышления Гуань Цзинъяо.

— Ты ведь знаешь, что Цинь Цзянь, его брат и сестра прибрали к рукам коммерческий участок в центре города? — в лоб спросил Цинь Хэн.

Гуань Цзинъяо хмыкнул. В романе об этом было написано предельно ясно, так что он был в курсе. И речь шла не об одном участке: пользуясь неразберихой после исчезновения Цинь Вэня, родственники растащили немалую часть активов. Но эта земля была самым лакомым куском. Ее рыночная стоимость исчислялась миллиардами, а после застройки могла вырасти до сотни миллиардов.

Империя Цинь была баснословно богата, но большая часть прибыли уходила на инвестиции, и свободный капитал был ограничен. Такие масштабные вложения неизбежно сокращали

денежные потоки.

Признаться, Гуань Цзинъюэ беспокоился. Цинь Вэнь, будь он жив, легко бы разрушил эту ситуацию. Тот обладал уникальной способностью заставлять этот гигантский механизм работать без единого сбоя, даже не имея наличных на руках. И это не было преувеличением: именно поэтому старый глава семьи Цинь когда-то прикинулся умирающим, чтобы заманить сына домой и женить его, привязав к семейному делу. Цинь Вэнь был гениален и решителен, но при этом дьявольски непокорен — он никогда не играл по правилам.

Гуань Цзинъюэ покосился на главного героя:

— Вежливость прежде всего. Называй меня «дядя».

Лицо юноши помрачнело, но он всё же выдавил:

— Дядя Гуань.

Гуань Цзинъюэ довольно улыбнулся.

— Вот так-то лучше. Рассказывай, что стряслось.

— Я хочу вернуть эту землю... и мне нужна твоя помощь.

На самом деле он долго колебался, прежде чем прийти сюда. Но Гуань Цзинъюэ уже столько раз выручал его, что продолжать подозревать его в двойной игре казалось почти глупым.

Гуань даже не спросил, в чем именно будет заключаться его роль.

— Хорошо, я понял. Считаю, договорились.

Не дожидаясь встречного вопроса, он продолжил:

— Я не дам этой троице ни юаня. Не собираюсь вступать с ними в сговор. Да и денег у меня сейчас — копейки, те несколько десятков миллионов, что у меня есть, их не спасут.

Проект требовал вложений в десятки миллиардов. Чтобы хоть как-то повлиять на ситуацию, Гуань Цзинъюэ пришлось бы заложить всё имущество, наскребя от силы пару-тройку сотен миллионов. В оригинале он так и поступил, став при поддержке Сюй Цуна негласным лидером этой группы заговорщиков.

Тот посмотрел на него с нескрываемым изумлением.

— Ты уже догадался, чего я хочу?

— А разве ситуация не очевидна? — пожал плечами Гуань Цзинъяо. — Твои дяди и тетя могли повздорить между собой, но в итоге они объединятся. Твоя отставка — их главный интерес. Цинь Тун в ярости, что его не взяли в долю, и Цинь Цзянь, понимая, что вдвоем им проект не потянуть, позвал его. Но они не учли одного: Цинь Тун — банкрот, у него нет и ста миллионов. Кого они первым делом вспомнят? Конечно, меня, своего «соратника», ведь я при желании могу выставить триста миллионов. Они надеются покрыть начальные расходы, а потом выезжать на залогах, предпродажах квартир и торговых площадей. Ха! Попытка проглотить кусок, который не пролезет в горло.

В оригинале им так и не удалось сожрать этот проект в одиночку — пришлось отдать большую часть акций корпорации «Цинь», чтобы стройка не встала. Но теперь, когда Гуань Цзинъяо не собирался в этом участвовать, их дела примут совсем скверный оборот. Насколько он помнил персонажей, у этой троицы просто нет ликвидности. Единственный выход — искать партнерства с семьей Сяо, но те обглодают их до костей.

Собеседник слушал его, затаив дыхание. Он не мог поверить, что эти слова принадлежат «пустоголовому красавцу», который, как считалось, смыслит только в нарядах. Откуда у него такое глубокое понимание ситуации в компании?

Заметив ошеломление на лице юноши, Гуань Цзинъяо подошел и похлопал его по плечу.

— Раз уж ты назвал меня дядей, я должен соответствовать статусу.

Он жестом поманил его поближе. Восемнадцатилетний парень на мгновение смутился, но всё же склонился к нему.

— Больше всего денег сейчас у твоей тети, — прошептал Гуань ему на ухо. — Женщины куда расчетливее мужчин в плане накоплений. Если ты убедишь ее выйти из доли, Цинь Тун и Цинь Цзянь не протянут и двух недель — их финансы просто лопнут.

Сын Цинь Вэня невольно вздрогнул от столь прямолинейного совета. Однако путь был верным. Проблема заключалась в том, что для убеждения Цинь Дань требовались веские аргументы. Он знал, чего она хочет: как минимум половину управленческих полномочий в корпорации. Дать ей это — значило погубить дело отца. К тому же ее муж принадлежал к семье Юй, весьма влиятельному семейству. Допустить их в структуру компании было бы фатальной ошибкой.

Гуань Цзинъяо, разумеется, предвидел эти опасения.

— У тебя есть двоюродный брат, Юй Оу. Он частый гость в клубе «Хуанчэн-гэнь». Если ты хоть немного знаешь, что это за заведение, то понимаешь, какого рода «сюрпризы» там можно найти. Посоветуй людям своего дяди присмотреться к нему. Уверен, новости будут любопытными.

Цинь Хэн посмотрел на Гуань Цзиньяо почти с испугом. Спустя долгую паузу он с трудом выдавил:

— Скажи... если ты обладаешь такими талантами, почему ты соглашался быть лишь тенью моего отца?

Лицо Гуань Цзиньяо мгновенно приняло выражение восторженной преданности.

— Я любил его. Его дикую, необузданную красоту, его непокорность... Всё в нем было пределом моих мечтаний.

Он медленно прикрыл глаза, словно погружаясь в грезы.

— Я родился в бедности, между нами была пропасть. Что я мог предложить ему, кроме своей внешности? Впрочем... ты еще слишком молод, чтобы понять нашу возвышенную, чистую любовь. Поймешь, когда повзрослеешь.

Цинь Хэн промолчал.

«Значит, ты запер своего бывшего парня именно из-за этой любви? Из-за смерти отца ты перенес свой гнев на него, забыв о прошлом? И из-за этой же любви ты предпочел скрыть свои способности, отказался от доли в наследстве и покинул корпорацию, уступив сцену мне?»

Цинь Хэн почувствовал, как его сердце смягчается. Да, прошлые поступки этого человека не вязались с нынешним образом, но юноше пришла в голову иная мысль. Его отец был властным человеком, сторонником патриархальных устоев. Если бы он узнал, что Гуань Цзиньяо не уступает ему в коварстве и стратегии, полюбил бы он его?

Ему показалось, что Гуань Цзиньяо принес слишком большую жертву ради этого чувства. Как жаль, что отец ушел так рано... Будь он жив, они, возможно, действительно смогли бы состариться вместе в любви и согласии.

В душе юноши бушевали противоречивые чувства. Он понял, что всё это время был слишком предвзят. Если представится случай, он обязательно постарается отплатить этому человеку, который всего на девять лет старше него. Ну и, конечно, он позаботится о младшем брате. В конце концов, в том течет кровь его отца.

***

Далеко в провинции Нань Цинь Вэнь внезапно чихнул. Он никак не мог взять в толк, почему его преследует эта напасть, ведь даже собаки по нему не скучают.

Хэй Фэн с тревогой посмотрел на босса:

— Брат Вэнь, ты не простудился?

— Да как это возможно? — возмутился Цинь Вэнь. — Ты когда-нибудь видел меня простуженным? Я в свое время трое суток в снегу пролежал, мужское достоинство чуть не отморозил, и хоть бы хны!

Хэй Фэн погрузился в зловещее молчание. Неужели «третья нога» Брата Вэня начала давать сбои именно с тех самых пор?

<http://bllate.org/book/15817/1431942>